

Авдеев Олег Константинович

К ВОПРОСУ О КОРРЕКТНОМ НАЗВАНИИ КОНСЕРВАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена поиску места русской охранительной мысли XIX века в истории русской философии и общественной мысли. Проанализированы основные варианты выделения и определения этого течения в истории русской философии, основные применяемые к нему варианты названий и самоназваний (неославянофильство, почвенничество, консерватизм, органическая школа), дана характеристика общих идей и связей представителей течения. В статье обоснован реальный характер этого течения, определено оптимальное название для направления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. III. С. 16-19. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091); 141.145; 329.11; 329.17; 329.21

Философские науки

Статья посвящена поиску места русской охранительной мысли XIX века в истории русской философии и общественной мысли. Проанализированы основные варианты выделения и определения этого течения в истории русской философии, основные применяемые к нему варианты названий и самоназваний (неославянофильство, почвенничество, консерватизм, органическая школа), дана характеристика общих идей и связей представителей течения. В статье обоснован реальный характер этого течения, определено оптимальное название для направления.

Ключевые слова и фразы: русский консерватизм; почвенничество; неославянофильство; органицизм; Н. Я. Данилевский; Н. Н. Страхов; А. А. Григорьев; Ф. М. Достоевский; К. Н. Леонтьев; П. Е. Астафьев.

Авдеев Олег Константинович, к. филос. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
epoha@list.ru

К ВОПРОСУ О КОРРЕКТНОМ НАЗВАНИИ КОНСЕРВАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА[©]

Проблема классификации философских направлений и течений, идейной «прописки» мыслителей в соответствующих течениях, а также связанная с ней проблема поиска для этих течений адекватных, корректных наименований всегда порождала множество разногласий, в том числе – в истории русской философии. Наиболее очевидными представляются два вида философских «группировок», отнесение к которым их ключевых представителей практически бесспорно. Это, во-первых, философские кружки, представлявшие собой эмпирически реальный круг единомышленников, связанных регулярными встречами и постоянным общением, часто – единым печатным органом, а иногда и дружескими и даже родственными связями – таковы, например, общества декабристов, кружок Станкевича, кружок славянофилов. Во-вторых, это направления «последователей», развивавших собственные взгляды в русле идей того или иного предшественника, часто иностранного – к этому виду можно отнести многочисленных русских кантианцев, персоналистическую философию (русское лейбницианство), в каком-то смысле – последователей В. С. Соловьева. Тем не менее, наряду с таким очевидными случаями, существует значительное количество условно «самостоятельных» мыслителей, не принадлежавших к организованным философским сообществам и не шедших напрямую по стопам кого-либо из других философов. По сходству взглядов и единству стремлений их также можно группировать в течения, однако выбор подходящего наименования для течения, а также однозначное включение того или иного мыслителя в исследуемую группу представляет в этом случае определенную сложность.

Примером таких сложностей в определении места в историко-философской «систематике» может быть ряд социально-политических философов и публицистов России второй половины XIX века, придерживавшихся консервативных общественных взглядов: Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, А. А. Григорьев, К. Н. Леонтьев, П. Е. Астафьев, К. П. Победоносцев, М. Н. Катков и др. Различные авторы по-разному объединяют их в направления с другими мыслителями, давая этим направлениям различные названия. И если в отношении Каткова и Победоносцева с одной стороны и группы Страхова, Григорьева и братьев Достоевских с другой существует определенный консенсус, то Данилевский, Леонтьев, Астафьев и иногда, вопреки существующей традиции, тот же Страхов в научных и научно-популярных текстах порой «кочуют» из одного направления в другое.

Во-первых, можно встретить отнесение Данилевского и Леонтьева (а иногда и Страхова) к «поздним славянофилам» или «неославянофильству» [21, с. 51, 286-287] («эпигонам славянофильства», «правой группе славянофильства» [11] или «неославянофилам» [22]. Кроме того, «разочарованным славянофилом» [20] назвал Леонтьева в своей одноименной статье С. Н. Трубецкой, сюда же можно отнести и ответ на неё, написанный Ю. Н. Говорухой-Отроком, который был выдержан в том же терминологическом ключе, причём сам Трубецкой был в нём обозначен как «новый критик славянофильства» [3]). Следует констатировать, что это отнесение по многим причинам неудачное, поскольку приводит к размыванию понятия «славянофильство», к смешению вполне конкретного как по сумме взглядов, так и по взаимным связям славянофильского кружка с мыслителями, родственными с ними разве что по общему духу. Тем не менее, для такого именования можно найти текстологическое обоснование в работах указанных мыслителей, которые порой ассоциировали себя со славянофильством в широком смысле слова. «Я боготворю его и зову Евангелие», – писал Леонтьев Страхову о «России и Европе» Данилевского в 1870 г., – «а другие говорят “скука”, и многие, которым я доказывал, не хотели кончать, хотя и не враги славянофильства и не совсем пустые люди» [9, с. 79]. По всей видимости, в этом высказывании славянофильство понимается Леонтьевым расширительно, и в этом расширительном смысле слова он не только зачисляет в него Данилевского и рассматривает его *opus magnum* как «Евангелие славянофильства», но и сам явно отстаивает перед другими, «доказывает» это учение, равно как и необходимость чтения Данилевского. Тем не менее, несмотря на такое расширительное понимание, тот же Леонтьев прекрасно осознавал свои отличия от современного ему позднего славянофильского кружка и никогда не был с ним особенно близок. Более того, между ним и представителями кружка имела место взаимная критика. Так, И. С. Аксаков категорически отказался признавать леонтьевский «византизм» основой культурного типа

России [12], а Леонтьев, в свою очередь, критиковал эгалитаризм славянофильства, отмечая, что «под *боярским русским кафтаном* московских мыслителей кроется обыкновенная блуза западной демагогии. “Кроется” – не в том смысле, что они, эти славянофилы, *преднамеренно и лукаво* сами скрывают ее. Вовсе нет! Но в том смысле, что они *не сознают на себе присутствия этой западной блузы*» [10, с. 636].

Во-вторых, Страхова историки русской философии, как правило, объединяют с Аполлоном Григорьевым и братьями Ф. М. и М. М. Достоевскими в понятие «почвенничество». В основе такого объединения лежит сотрудничество Страхова в журналах «Время» и «Эпоха», изначально создававшихся как почвеннический орган, и высказывавшиеся в них сходные взгляды на литературный и общественно-исторический процесс. В то же время, зачастую, к почвенникам причисляют также Леонтьева и Данилевского [2; 23], основания для чего достаточно зыбки. Следует отметить, что почвенничество представляло собой в большей степени литературно-публицистическое, чем философское направление, представленное узким кругом авторов, совместно провозглашавших общие взгляды в созданных ими журналах. Попытки же расширения их круга за счёт других мыслителей охранительного толка приводят к явным несообразностям, таким как, например, зачисление Ф. М. Достоевского и систематически критиковавшего его (и лично недолюбливавшего Страхова) Леонтьева в одну и ту же «философскую группу». То же относится и к радикально расширенному толкованию этого термина, когда понятие «почвенничества» применяют, например, к советской «деревенской прозе» 60-х гг. XX в.

Третьим возможным вариантом в существующих классификациях русской философии является рассмотрение указанных философов в составе русского консерватизма (или «охранительного лагеря»). Одним из первых, к кому можно возвести эту тенденцию, был Н. А. Бердяев, по мнению которого Леонтьев – «самый крупный, единственный крупный мыслитель из консервативного лагеря, да и вообще один из самых блестящих и своеобразных умов в русской литературе» [1, с. 208]. Ту же линию сегодня продолжают многие авторы и научные коллективы (например, историк русского консерватизма А. В. Репников [14-16]). Также в словаре «Русская философия» в статье «консерватизм» Леонтьев называется «ярким представителем этого (*консервативного* – прим. автора – О. А.) стиля мышления», а мысль Данилевского в посвященной ему статье характеризуется как «консервативно-утопическая» (*автор обеих статей – Л. Р. Авдеева – прим. автора – О. А.*) [17], хотя в статье «консерватизм» и нет прямого упоминания его фамилии.

Такой подход также имеет основания в текстах самих мыслителей, неоднократно причислявших себя к «охранителям». Однако следует отметить, что, осознавая свою объективную принадлежность к одному направлению политической и социально-философской жизни России, Данилевский, Леонтьев, Страхов, Астафьев никогда не задавались вопросом о правильном именовании этого направления, используя разные термины достаточно бессистемно. Это хорошо видно на примере письма от 25 декабря 1875 г. Л. Н. Толстому, в котором Страхов с грустью указывал на вероятную обречённость охранительного лагеря: «В них (*революционерах и нигилистах* – прим. автора – О. А.) жива жажда деятельности, и они с радостью хватаются за указываемые им цели. А мы, консерваторы, славянофилы и т.п. – мы только знаем, чего не делать. По-моему, русский народ резко разделяется на два класса, людей пассивных и деятельных. В пассивных, которых большинство, – хранятся наши лучшие качества, простота, правда, всякая душевная красота. Деятельные – почти без исключения дурны; это или бестолковые молодые люди, как нигилисты, или люди без стыда и совести, жестокие, своенравные, сильные, но отталкивающие» [19, с. 72].

В то же время, несомненным достоинством рассмотрения этой группы мыслителей как представителей единого консервативного социально-политического лагеря является наличие объединяющих их жизненных обстоятельств: таких как личные контакты и, прежде всего, прямые и опосредованные связи каждого из них с изданиями Каткова, вокруг которого группировались консервативные общественные силы. При этом они оказываются помещены в контекст «истории идей» от М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина до Л. А. Тихомирова и далее.

К недостаткам такого подхода может быть отнесено чрезмерное акцентирование политического компонента в их наследии, в то время как ни для Страхова, ни для Астафьева социально-философская тематика не была ни основной, ни доминирующей в их творчестве, а политическая мысль Данилевского и, в каком-то смысле, Леонтьева может быть с не меньшим правом отнесена к области историософии, чем к области практической политики как таковой.

В связи с этим заслуживает внимание ещё одно возможное определение этих мыслителей – характеристика их как «органической школы» в русской философии. Во-первых, философский «органицизм» в самом широком смысле слова был в той или иной степени характерен для каждого из этих мыслителей. Круг журналов «Время» и «Эпоха» развивал школу «органической критики», основы которой изложил Григорьев в работе «Несколько слов о законах и терминах органической критики» [4] и письмах к Ф. М. Достоевскому, озаглавленных «Парадоксы органической критики» [5].

В мировоззрении Страхова органицизм также является одной из основополагающих черт. Так, по мнению Н. В. Снетовой, «несмотря на разнообразие проблематики, отрывочность в изложении идей, противоречивость воззрений и некоторую эволюцию взглядов, в его философии можно заметить целостность. Состоит она в предлагаемом Н. Страховым *органическом понимании* всех явлений, существующих в мире. Это органическое понимание проводится мыслителем практически во всех разделах философского знания, к которым он обращается. И поэтому Страхова как мыслителя можно отнести к определённом направлению в отечественной философии, а именно – к органицизму» [18, с. 11].

Концепция культурно-исторических типов Данилевского вся построена на органических аналогиях («собственно говоря, и Рим, и Греция, и Индия, и Египет, и все исторические племена имели свою древнюю, свою среднюю и свою новую историю, то есть, как всё органическое, имели свои фазисы развития...») [6, с. 103]), равно как и Леонтьев строит свою историософию на триедином законе органического развития, который

«свойствен не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, и всему существующему в пространстве и времени. Может быть, он свойствен и небесным телам, и истории развития их минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религий и, наконец, в жизни племен, государственных организмов и целых культурных миров» [7, с. 109-110].

Кроме того, сами указанные мыслители очень хорошо ощущали свое родство друг с другом в этом моменте – как минимум, в смысле историософского органицизма. Знаковым в этом отношении является письмо Леонтьева Страхову от 8 февраля 1887 года, в котором фигурируют как они сами (как автор и адресат, соответственно), так и Данилевский, Григорьев и Катков (зашифрованный под словами «гениальный рутинёр редактор»). В этом письме Данилевский называется Леонтьевым «великим учителем», составляя своего рода «канон» из трех учителей и трех основных книг направления: «Если у Н. Я. Данилевского нет наследника (или даже если есть), позаботьтесь Вы поскорее снова издать его книгу (с Вашим предисловием). Имя его растет в Москве, и похваляюсь, и я много этому содействовал словесной проповедью, но старое издание все вышло. Молодые люди ищут, бьются, и нет “России и Европы” (я об этой книге говорю). Для меня один юноша свою, всю растрепанную от чтения, подарил. Ваша “Борьба с Западом” (по-моему “Самоосуждение Запада”) – тоже, говорят, очень стала читаться. Мой сборник “Восток, Россия и славянство” министр народного просвещения представил Государю!.. и т.д., и т.д.» [8, с. 302]. В следующем же абзаце Леонтьев озвучивает и название для направления: «Помните, наш бедный “ихтиозавр” Аполлон Григорьев говорил где-то – “наше типовое растет”. Хотя я нахожу, что самое это слово “типовое” – неизящно на слух, не знаю, каким лучшим его заменить» [Там же]. Естественно, что «типовым» направление является в смысле «культурно-исторических типов», то есть органического подхода.

В целом, вариант «органическая школа» удачно определяет общее для всех представителей течения, склонных к философской теоретизации (и хорошо описывает сам характер таковой). Также он позволяет проводить параллели как с гносеологическим органицизмом (как это делает, например, Снетова в уже цитированной выше монографии), так и с историософским, помещая представителей течения в один ряд с О. Шпенглером и А. Тойнби.

Тем не менее, такое определение течения оставляет открытым вопрос о «членстве» в нём, например, Каткова, Победоносцева.

Ещё один аспект, который, однако, надлежит отметить – неприменимость ни в каком виде к указанному течению понятия «национализма» и смежных определений (в этом контексте более характерных для политической публицистики, нежели для исследовательской литературы)... Более-менее применимо это понятие лишь к мысли Астафьева, но, что примечательно, именно этот аспект его концепции был жестко раскритикован Леонтьевым [13].

Таким образом, вопрос о четких границах и единственно возможном наименовании для «охранительного» течения в русской общественной мысли второй половины XIX в. лишён однозначности, он предполагает несколько возможных ответов, в зависимости от выдвигаемых критериев выделения.

Тем не менее, на основании приведенных выше цитат и свидетельств самих авторов можно сделать два вывода.

Во-первых, охранительное течение как таковое не является «номинальной» исследовательской конструкцией, но действительно, реально существовавшим социально-идейным образованием, соединённым как личными связями и отношениями его представителей (перераставшими даже порой существовавшую между ними человеческую неприязнь), так и комплексом идей, в разной степени общих всем представителям течения.

Во-вторых, каждая идея или сторона этого направления, взятая в отдельности в качестве названия и критерия для его выделения и описания, позволяет с полным правом включить в круг его участников только часть потенциальных представителей. В связи с этим, оптимальным является его определение в качестве «консервативного направления» или «русского консерватизма». Такое именование позволяет включить в его состав и «линию Данилевского», и школу «органической критики», и своеобразные построения Леонтьева, и труды общественных и государственных деятелей вроде Каткова и Победоносцева, и мировоззрение стоящего особняком националиста-лейбнишца Астафьева.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Корольков А. А. и др. К. Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2-х кн. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 1.
2. Гайденок П. П. Наперекор историческому процессу (Константин Леонтьев – литературный критик) // Вопросы литературы. 1974. № 5. С. 159-205.
3. Говоруха-Отрок Ю. Н. Новый критик славянофильства // Славянофильство: pro et contra / отв. ред. В. А. Фатеев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 602-616.
4. Григорьев А. А. Несколько слов о законах и терминах органической критики // Григорьев А. А. Апология почвенничества. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 130-148.
5. Григорьев А. А. Парадоксы органической критики // Григорьев А. А. Апология почвенничества. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 149-183.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. М.: Ин-т русской цивилизации; Благословение, 2011. 816 с.
7. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 34-172.
8. Леонтьев К. Н. Письмо Н. Н. Страхову от 8 февраля 1887 г. // Леонтьев К. Н. Избранные письма: 1854-1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993.

9. Леонтьев К. Н. Письмо Н. Н. Страхову от 19 ноября 1870 г. // Леонтьев К. Н. Избранные письма: 1854-1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993.
10. Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке (1888-1889 гг.) // Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 607-680.
11. Милуков П. Н. Разложение славянофильства // Славянофильство: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. Изд-е 2-е. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 617-639.
12. Передовая статья в газете Русь от 19 окт. 1885 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений: в 7-ми т. М., 1886-1887. Т. I. С. 671-682.
13. Прасолов М. А. Два консерватизма: П. Е. Астафьев и К. Н. Леонтьев // Консерватизм в России и в мире: коллективная монография: в 3-х ч. / отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2004. Ч. 2. С. 29-67.
14. Репников А. В. Наследие Н. Я. Данилевского сегодня // Международная научно-практическая конференция ученых России и Украины: научные труды. Луганск – М. – Смоленск, 2000. С. 176-179.
15. Репников А. В. Русский консерватизм: Константин Леонтьев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35874> (дата обращения: 20.09.2015).
16. Репников А. В. Русский консерватизм: Николай Данилевский [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35877> (дата обращения: 20.09.2015).
17. Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М.: Алгоритм, 2007. 736 с.
18. Снетова Н. В. Философия Н. Н. Страхова (опыт интеллектуальной биографии): монография. Пермь: Перм. ун-т, 2010. 325 с.
19. Страхов Н. Н. Письмо Толстому от 25 декабря 1875 г. // Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870-1894 / вступ. ст. и сост. Б. Л. Модзалевский. СПб.: Об-во Толстовского музея, 1914.
20. Трубецкой С. Н. Разочарованный славянофил // Корольков А. А. и др. К. Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2-х кн. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. I. С. 123-159.
21. Философская энциклопедия: в 5-ти т. / под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1960-1970. Т. 4. 592 с.
22. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд-е 4-е. М.: Политиздат, 1981. 445 с.
23. Шпилькин Ю. И. Евразийский дискурс философии [Электронный ресурс]. М.: Академия естествознания, 2014. URL: <http://www.rae.ru/monographs/259> (дата обращения: 20.09.2015).

ON THE ISSUE OF CORRECT NAME OF CONSERVATIVE TREND IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Avdeev Oleg Konstantinovich, Ph. D. in Philosophy
Lomonosov Moscow State University
epoha@list.ru

The article is devoted to the search for the place of the Russian conservative thought of the XIX century in the history of Russian philosophy and social idea. The author analyzes the basic options for the selection and identification of this trend in the history of Russian philosophy, the main applied to it variants of names and self-names (neo-Slavophilism, Pochvennichestvo, conservatism, organic school), and gives the characteristic of the common ideas and connections of the trend representatives. In the paper the real character of the trend is grounded and the optimal name for this school is determined.

Key words and phrases: Russian conservatism; Pochvennichestvo; neo-Slavophilism; organicism; N. Ya. Danilevsky; N. N. Strakhov; A. A. Grigoryev; F. M. Dostoyevsky; K. N. Leontiev; P. Ye. Astafyev.

УДК 1(091)

Философские науки

В работе анализируется содержание основных направлений философских представлений о мифотворчестве в античный период. Статья раскрывает ключевые аспекты становления мифа как специфической реальности. Онтологизация мифа рассматривается через призму аллегорического и эвгемерического подходов. Исследование охватывает главные этапы развития философской и мифографической мысли античности и акцентирует внимание на таких философско-умозрительных трактовках природы мифа как: подлинной реальности, поэтического творчества, аллегории, способа воспитания, исторической памяти и др.

Ключевые слова и фразы: миф; мифотворчество; мифология; античная философия; онтология; аллегорический подход; эвгемерический подход.

Аканькина Виктория Викторовна

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
mes795@yandex.ru

ОНТОЛОГИЯ МИФА И ФЕНОМЕН МИФОТВОРЧЕСТВА В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ®

Социо-гуманитарное знание всегда имело потребность в философском анализе феноменов мифа и мифотворчества. Она определяется необходимостью выработки новых подходов к познанию философско-антропологических и социальных проблем. Современные философские дискуссии нередко поднимают проблему